

Узелки памяти

Эльвира Частикова и Валерий Прокошин

История одного стихотворения

Одно из самых дорогих мне стихотворений Валерия Прокошина:

*Паустовский пишет: в Тарусе рай —
снегири на яблонях, словно штрифель,
а когда идёшь в дровяной сарай,
снег, исписанный воробьиным шрифтом.
Всё крыльцо — в синицах, в щеглах — окно,
на страницах крыши — ворон помарки.
Время движется, как в немом кино,
под стихи какого-нибудь Петрарки.
Приезжай из горьких своих столиц,
чтоб увидеть в подлиннике Россию.
Я вчера приручил трёх певчих птиц —
Ариадну, Анну, Анастасию.*

Задумчиво и восхитительно, не правда ли? Валера прочитал его мне первой.

— Долго писал, — признался. — Мучился с именами. Сегодня добил и сразу к тебе...

— Не понимаю, как ты не выпадаешь из состояния, настроения... Впечатление — сиюминутности, выдоха!

— Нет, я, как ты, не умею. Ввожу себя по многу раз в ту же самую реку, мелкими шажками продвигаюсь.

— Умеешь работать. А мучился с именами почему?

— Не всё совпадало, устраивало...

— Ну, да, Анна как бы из другой географии, — заметила я.

— Тебя сразу царапнуло?

— Нет, что ты, я мигом подпала под очарование, ничто меня не резануло, а вот теперь, анатомируя, поставила бы другое имя...

Моя быстрая реакция выдала мне имя Белла, ведь она тоже, как Анастасия и Ариадна, сроднилась с Тарусой, о которой шла речь. Мы с Прокошиним охотно и часто бывали в этом старинном городке, ежегодно заманивающим нас на Цветаевские чтения и праздники поэзии в первых числах октября, вольно и упоённо там гуляли, разговаривали, что-то обсуждали, катались на лодках, фотографировались под целительные звоны храмов...

— Ну! Какое?

Валера весь горел нетерпением, буквально сверля меня своими пронизательными зрачками. И я впервые за нашу долгую дружбу тормознула:

— Нет, тут — твои владенья, ты сам решаешь...

— Не вписываются нужные, не подходят, как назло. А ты просто так сказала или что-то конкретное появилось? — допытывался он.

— Знаешь, я сразу приняла эти стихи, дай мне с ними остаться, пожить. Не пытай!

Почему я не произнесла имени нашей любимой Ахмадулиной? Побоялась Валеру сбить? Скорее всего. Но — интуитивно! А если поразмышлять, он ведь свой обдуманый выбор остановил именно на букве А — подобрав на неё все три имени, как некогда и в другом тексте зацепился, например, за Ч: «Челентано, Чонкин, Чикатило — знаковые стали имена». Конечно, я могла выпалить подсказку, находясь вообще на грани этого, а мой друг — подхватить её на первой волне, и получилось бы «А и Б...сидели на трубе».

Есть в поэзии малообъяснимые вещи, тонко улавливаемые чутким слухом в акте творения, не требующим вмешательства и спотыкачек.

Слава

Идём с Валерой вдоль берега Оки в Тарусе и видим рыжую дворнягу, блаженно развалившуюся на песке и позволяющую пёстрым курам что-то выклёвывать из её шерсти (семена прибрежных трав, блох?).

— Клёво! — восхищается Прокошин.

— Как там у Новеллы Матвеевой: «...и каждой курице позволит клюнуть вас, ловите этот час и знайте — это слава!» — процитировала я.

— Позавидуешь! — рассмеялся Валера.

— Чему? Или кому? Собаке? Блохе? Круговороту любви в природе?

— Славе! Пусть бы клевали...

Школа злословия

По ТВ идёт передача «Школа злословия» с Татьяной Толстой и Дуней Смирновой. На этот раз они беседуют с Ренатой Литвиновой — восхищённо, без нападок и заклёвываний (попробовали бы только!). Не пропускаю, хоть и за полночь, — очень интересно. Рената верна себе, но и — актёрско-режиссёрской профессии: правит балом. И волевая, энергетически объёмная Толстая позволяет ей, никогда не уступая лидерства другим. Дуня — как связная между мирами.

— Красавица?! — реагирует Рената на комплимент. — Да я сама себя сделала такой, всё в наших руках, причём, довольно просто...

— Да ну?! — не верят «злословицы». — Как это? Природа уже постаралась...

И обсуждают то да сё на волне абсолютной искренности, заданной Ренатой, мне показалось даже, чуть подобострастно (или друг другу всё же подыгрывая?). Не знаю. Да и давно это было, нет уже на ТВ такой классной передачи, чисто русской, что ли.

На следующий день заговорила о ней с Валерой Прокошиным. Он оживлённо подключился:

— Слушай, я смотрел, как она их сделала, эта Литвинова!

— И мне показалось тоже. Я ведь поклоняюсь им, этим трём грациям, за талант — просто любимицы мои, каждая!

— А в лице Ренаты победила женственность с плюсом таланта — беспредельная! Вроде бы, что это за невидаль в женщинах? Но таких особенных, как Рената, среди известных — раз-два и обчёлся: Татьяна Доронина, Галина Польских, Марина Неёлова... Обожаю их за неприкрытую, повседневную принадлежность к прекрасному полу.

— А я часто слышу про Доронину, да и Литвинову, что им вредит избыток артистизма, манерности, раздражает людей.

— Знаешь почему? — обрадовался Валера словно открытию. — Требуется предельное мужество — для равновесия. А так — не получается на равных: или подобострастно, или нетерпимо. Даже на умных и красивых баб действует! Теперь понятно, из-за каких таких красоток развязывают войны?

Загад не бывает богат

Идём с Валерой от Веры Чижевской по улице Ляшенко. Слева от нас — старые семейные общаги, а справа — неухоженный криминальный лес посреди города. Нет-нет, настанут ещё времена его преображения, я увижу на обочине и лося рукотворного, и кормушки для птиц, и удобные пешеходные дорожки, и скамейки, но пока — тёмный конгломерат. Он с его дурной славой (нашумевшим диким убийством и рядом хулиганств) наталкивает, видимо, нас на соответствующую тему.

— Хочу написать классический детектив, — делится Валера.

— На местном материале? — уточняю я.

— Куда выведет...

— Я бы написала про аномальные зоны Обнинска, вычисленные по местам совершённых преступлений...

— Типа путеводителя?

— Скорее, путеотводителя, — поправила я, — но с сюжетом на документальной основе. Правда, совершенно не готова к этому — окунаться в ужасы не для меня.

— А давай вместе напишем, — предлагает Валера, — будем страховать друг друга, интересовывать и править...

— Я не потяну пока, нет детективного опыта, плохо угадываю запутанную схему, не готова. Попробуй с Верой Абалаковой!

— Попробовать — не написать. Как для разговоров стихами, так и для совместной прозы, нужен рифмующийся соавтор. И это — самое главное, мне кажется, сколько ни пробуй...

Прошло определённое время, и Прокошин выдал ремейк «Достоевский в натуре», где кровь лилась через край, и его герои утрированно повторяли уже известных и экранизированных, муссируя «Преступление и наказание». А я написала большой цикл «Обнинских баек, историй, анекдотов и виньеток», среди которых прорезался и мой очерк «Око за око» (реальное преступление в нашем городе).

Надо признать, что ни у него, ни у меня не вышло по задуманному в литературном смысле, хоть плачь. Я иногда и плачу (конечно, в данном жанре всегда есть, кого оплакивать!)... Я плачу и о нашем дуэте, и от отчаяния, нестерпимой боли (своей и чужой), которая делится на всех — для переносимости.

Смех

Одна писательница из Кудинова, учитель по образованию, в общении никак не могла без обличения чего-то и моралитэ. После шумного банкета по случаю выборов или перевыборов в Калужском отделении Союза писателей сидим в гостинице и пьем чай — человек пять женщин.

— Надо, — говорим, — позвать из соседнего номера Прокошина. — Ты, Валя, набрось что-нибудь на себя (она — в ночной рубашке и в спущенных чулках).

— Да ну! — отвечает. — Что такого?! Я и так не голая. Жарко тут.

Вскоре приходит Валера, легко вписывается в нашу компанию, подхватывает общий разговор. А Валя, меж тем, проталкивает свою любимую тему о безнравственности молодого поколения.

— Мы были чистыми, уважали старших, несли в душе благодарность. А что сейчас? Одно бесстыдство! Их и наша история не устраивает, не туда, оказывается, рулили. А сами куда рулят? Наглые! В коридорах учителей обгоняют, никаких правил для них нет. Девушки не знают, что такое скромность. Какие из них будущие жёны и матери?! Я лично до сих пор стесняюсь своего мужа.

— А меня вот не стесняешься, — не выдерживает Валера. — Сидишь в исподнем, другим пример подаёшь! Вот такие и разлагают...

— Я?! Да ты что говоришь? — завизжала она. — Что ты в этом понимаешь?!

— Двух дочерей вырастил, как-нибудь понимаю. Одетую женщину от неприкрытой отличить могу.

— От кого мне прикрываться?! От тебя? Да ты мне в сыновья годишься. Я, что, на тебя обращать внимание должна?!

— Нет, ты никому ничего не должна, вот другие тебе должны почему-то. С себя всегда начинать надо, учительница расхристанная...

Мы еле их успокоили. Но отдельные подколы продолжились и потом, даже в утренней электричке, некоторые касались и меня, сыгравшей с Валерой в две руки книгу «Новая сказка о рыбаке и рыбке».

— Семейные рифмами в любовь не играют, у семейных долг имеется, — говорила она, бросая осуждающие взгляды в мою сторону.

Свидетели-слушатели снисходительно улыбались, не желая ввязываться. Валера ничего уже не доказывал, но смеялся открыто, от души. А смех — это такое благо! Никому ведь не возбраняется, но легко смеются немногие: лишь свободные, уверенные и молодые (неважно — внутренне или по возрасту).

Незабываемый привкус

Договорились небольшой компанией ехать в Калугу на какой-то юбилей Союза писателей. Ждали друг друга у первого вагона на Обнинской платформе.

Прокошин не появился. Нырнули в подошедшую электричку, и уже в пути я увидела из окна одинокую фигуру Валеры.

— Почему ты не сел в электричку? — закричала я по мобильнику.

— А ты где — в вагоне? Едешь?

— Ну да, как и договаривались, мы все едем, — отвечаю. — Ты не успел, что ли?

— Я почему-то не нашёл вас и расхотел ехать, — признался он обречённо.

— Давай захачивай снова: в автобусе или на такси! — нацелила я властно. — Чуть опоздаешь, не страшно. Я буду ждать тебя, слышишь?! Обязательно!

— Да, хорошо, сейчас...

У меня появилось чувство, что он — словно на распутье ...между жизнью и смертью. Может, внутри у него уже было это перетягивание? И если раньше он держался бодрячком, несмотря на болезнь, то теперь сник, подчинился ситуации, не протестуя. И я проявила напор, мне не свойственный, но явно направленный на усилие жить.

Валера приехал, тотчас нашёл меня в огромном помещении через мобильник. Как мы радостно кинулись друг к другу, горячо обнялись, не сдерживая себя, словно другой возможности увидеться у нас не было! И целый вечер провели в настоящем ликовании, хотя ничего особенного вокруг не происходило. Просто было ощущение отвоёванной жизни, *неразлуки*, необходимости друг другу, взаимного тепла и остроумия.

— Как хорошо, что я приехал, — повторял Валера, благодарно глядя на меня, — а то бы дома замучила тоска...

— «Ностальгия по имени Анна Андреевна», — понимающе добавляла я его строчку, и мы хохотали, как дети, которым в рот попала смешинка, вроде беспричинно, но оставляя незабываемый привкус счастья, — за каких-то два месяца до последнего *никогда*.

Оптика

Лет двадцать тому назад Сергей Коротков (известный в Обнинске и нашей области журналист, эстет и рафинированный красавец) сказал Прокошину, что тот чисто внешне совершенно не похож на поэта. Потом мне это передал Валера — не то, чтобы с досадой, больше, пожалуй, с размышлением.

— Странно, на Пастернака лицом похож, а на поэта нет, — недоумевал он.

— А Серёга признал твоё сходство с Борисом Леонидовичем?!

— Не-а, тоже не признал, — рассмеялся Валера. — Сказал, что образ работяги — это точно моё, а поэта из обозримого окружения — скорее у Игоря Кулебякина. И даже ещё раз подчеркнул, что, да, именно Игорь похож на поэта. Представляешь?!

— Вообще-то с позиции психоанализа человек никогда не совпадает сам с собой, взять хотя бы наши сны, — вставила я. — А Николай Рубцов, по его мнению, похож на поэта?

— Вряд ли, — решил Валера. — Но я спрошу как-нибудь. У него же в голове имеется какая-то определённая картинка, с которой он сличает, романтический образ, декаданс...

Десять лет, как нет Валеры, и примерно месяц — его ровесника, Сергея Короткова. А Игорь Кулебякин за последнее десятилетие так радикально изменился внешне, что на прежнего себя вообще не похож. Вот и прикидывай с этим образом поэта. Сие высокое звание продолжают отстаивать стихи, написанные как Валерой, так и Игорем, всматриваясь с мистическим ужасом, как в самих себя, так и в их авторов. В таком взгляде вовнутрь — единственно правильная оптика, определяющая глубины оригинала и уводящая от повседневности в необозримое литературное пространство.

Победа

Валера всегда хотел пересечь железный занавес жизни в прямом и переносном смысле. А для этого ему требовалось лишь творческое состояние, которое чрезвычайно капризно, ибо зависит от всего на свете. Но ему удавалось, и тогда он откровенно ликовал, декламируя те или иные строки. Только чем дальше, тем больше в нём накапливалось скепсиса. Что же выходило? Преодолеть так называемые, мешающие препятствия творчеством означало какую-то сомнительную позицию, типа, победы над жизнью, прошлого над будущим, силы над человеческой уязвимостью.

Мы с ним говорили об этом в его последний год, когда жизнь для него сделалась чрезвычайно хрупкой, а творчество её уже не заслоняло. Он очень хотел писать, но не мог, чувствуя любви к самовыражению примерно столько же, сколько и ненависти из-за этой горькой зависимости. И я видела, как обречённо он усмехался над бессмысленно жестокой победой жизни.

Эльвира Частикова — поэт, прозаик, библиотекарь. Родилась в семье воспитателей детского дома. Окончила библиотечный факультет Московского государственного института культуры. Заведующая читальным залом Центральной библиотеки города Обнинска. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Автор тринадцати сборников стихов, лауреат литературной премии им. Марины Цветаевой. Стихи публиковались в журналах России, Латвии, Казахстана, Украины, Германии, США. Живёт в Обнинске и Боровске.